

Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765 – 1766

Популярная библиотечка «Коробейник»

Популярная библиотечка «Коробейник»

Серия «Мгновения истории»

Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765 – 1766

Москва
«Панорама»
1991

ББК 84
332

Печатается по изданию: Записки венецианца Казановы
о пребывании его в России, 1765—1766.
Русская старина, 1874. Т. IX.
Орфография и пунктуация оригинала сохраняются.

Художник *ХАЧАТРЯН Л. А.*
Редактор *Симакова Т. И.* Худож. редактор *Горняк М. В.*
Техн. редактор *Курова Е. Г.*
Корректоры *Курятникова В. Н., Чирикова М. Г.*

332 Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765—1766. — М.: Панорама, 1991. — 32 с. — (Популярная библиотечка «Коробейник». Серия «Мгновения истории»).

ISBN 5-85220-132-4

Знаменитый авантюрист XVIII века, богато одаренный человек, Казанова большую часть жизни провел в путешествиях. В данной брошюре предлагаются записки Казановы о его пребывании в России (1765—1766). Д. Д. Рябинин, подготовивший и опубликовавший записки на русском языке в журнале «Русская старина» в 1874 г., писал, что хотя воспоминания и имеют типичные недостатки иностранных сочинений, описывающих наше отечество: отсутствие основательного изучения и понимания страны, поверхностное или высокомерное отношение ко многому виденному, но в них есть и несомненные достоинства: живая обрисовка отдельных личностей, зоркий взгляд на события, меткие характеристики некоторых явлений русской жизни.

З $\frac{4703010100-143}{088(02)-91}$ КБ-20-9-91 ББК 84

ISBN 5-85220-132-4

I

Въезд в Россию и приключение на границе. — Прибытие в Митаву. — Герцог Бирон и бал у него. — Знакомство в Риге с его сыном Карлом. — Приезд в Петербург. — Французы-гувернеры из лакеев.

(Казанова ехал в Россию из Англии через Пруссию, где представлялся королю Фридриху II, который обошелся с ним несколько небрежно. Авантюрист, поистратившийся в Лондоне, не мог поправить в Берлине своих разстроенных дел, почему продолжал путешествие весьма скромно и на-легке; при въезде же в варварскую Московию, «страну гостеприимства и подобострастия», путешественник вдруг оперяется и принимает вид большаго барина):

...«Прусский фельдмаршал Левальд, кёнигсбергский губернатор, к которому я имел рекомендательное письмо, при прощальном моем посещении дал мне такое же письмо в Ригу на имя г. Воейкова (Woïakoff). До сих пор я ехал в публичном экипаже; но перед въездом в русскую империю, почувствовал, что мне следует появиться там в виде знатнаго господина, и потому нанял себе четвероместную карету, шестернею. На границе какой-то незнакомец останавливает мой экипаж, приглашая меня оплатить пошлинами ввозимые мною товары. Я ему отвечаю словами греческого мудреца (увы! на этот раз вполне подходящими ко мне): «все мое со мною». Но он все-таки настаивает на требовании вскрыть мои чемоданы. Я приказываю кучеру погонять вперед; незнакомец не пускает, и мой кучер, полагая, что мы имеем дело с таможенным досмотрщиком, не смеет трогаться далее. Тогда я выскакиваю из кареты с пистолетом в одной руке и с тростью в другой. Незнакомец угадывает мои намерения и пускается бежать со всех ног. Со мною был слуга, родом из Лотарингии, несдвинувшийся с места в продолжение всей этой сцены, несмотря на горячия мои внушения. Увидя, что дело кончилось, он мне сказал:

— «Я хотел предоставить вам, сударь, всю честь победы, которую вы одержали».

Мой въезд в Митаву произвел впечатление. Содержатели гостиниц почтительно мне кланялись, как бы приглашая остановиться у них. Кучер привез меня прямо в великолепный отель, насупротив герцогскаго дворца. После расплаты с кучером, у меня осталось на лицо всего три червонца!

На другой день утром я представился камергеру

Кейзерлингу с письмом барона Трейделя. Г-жа Кейзерлинг оставила меня завтракать. Нам подавала шоколад молодая полька, прехорошенькая собой. Я имел время налюбоваться этой мадонной, которая, с потупленными глазами, с подносом в руке, неподвижно стояла подле меня. Вдруг мне приходит в голову мысль, порядочно шальная в моем положении. Я вынимаю из жилета последние свои три червонца и, отдавая назад выпитую чашку красавице, ловко опускаю их на ея поднос. После завтрака г. Кейзерлинг уехал и, возвратясь, сказал, что видел герцогиню курляндскую, которая приглашает меня на бал нынешняго вечера. Это приглашение смутило меня; я вежливо отклонил его, извинившись неимением зимняго костюма. В самом деле, тогда наступил уже октябрь, а у меня было только тафтяное платье.

Когда я воротился в гостинницу, хозяйка доложила, что в соседней зале ожидает меня один из камергеров его светлости герцога. Он имел поручение передать мне, что герцогский бал будет маскированный и что, следовательно, мне будет не трудно найти себе костюм у торговцев. Вдобавок он сказал, что хотя первоначально бал изначался быть парадным, но это условие изменено в виду того, что один именитый иностранец, прихавший накануне, не получил еще своего багажа. Затем камергер удалился, отвесив множество поклонов.

Не веселое было мое положение: в чем найти способ отделаться от посещения бала, по которому даже распоряжения изменены ради моей особы? Я ломал себе голову, как бы приискать выход из этого затруднения; но тут явился ко мне еврейский торгаш, с предложением разменять на червонцы (дукаты) прусское золото, которое могло быть у меня.

— У меня нет ни одного фридрихсдора.

— «По крайней мере, есть у вас несколько флоринов?»

— Ни того, ни другаго нет.

— «Ну, так у вас должны быть гинеи, потому что вы, говорят, приехали сюда из Англии?»

— И этой монеты я не имею: все мои деньги в дукатах.

— «А у вас их изрядное количество, не правда-ли?»

Мой торгаш произнес эти последния слова с улыбкой, которая сперва заставила меня подумать, что ему известно истинное содержание моего кошелька. Но жид тотчас же продолжал:

— «Я знаю, что вы расходуете их таровато и что при такой манере несколько сотен, которыя у вас могут быть, вам здесь не надолго хватит. Я имею надобность в четырехстах рублях на Петербург: не хотите-ли доставить мне переводный билет на эту сумму за двести дукатов?»

Я немедленно согласился и дал ему переводное письмо на греческаго банкира Димитрия Папанельполо. Доверчивая обязательность жидка подслужилась мне единственно вследствие подарка мною трех червонцев молодой горничной. Таким образом, нет ничего на свете легче и в тоже время труднее, как добывать деньги. Все зависит от приемов, с какими возьмешься за дело, да от прихоти счастия. Не будь с моей стороны хвастливо щедрой выходки, я остался бы без гроша в кармане.

Вечером г. Кейзерлинг представил меня герцогине, супруге известного Бирона, прежняго любимца императрицы Анны. Это был старик, уже несколько сгорбленный и плешивый. Всматриваясь в него поближе, видишь, что когда-то он был очень красив. Танцы длились до утра. Красавиц было множество, и я надеялся за ужином поволочиться за какой-нибудь из них, да не удалось. Герцогиня, подав мне руку вести ее к ужину, усадила меня за стол из 12-ти приборов, за которыми восседали все пожилыя вдовствующия особы.

Я уехал из Митавы через несколько дней спустя, снабженный рекомендательными письмами к принцу Карлу Бирону, пребывавшему в Риге. Герцог был столько обязателен, что дал мне один из своих дорожных экипажей доехать до этого города. Перед моим отъездом, он спросил у меня: какой подарок был бы мне приятнее — вещь, или ея стоимость наличными деньгами? Я выбрал последнее и получил 400 талеров.

В Риге принц Карл принял меня с большою предупредительностью, предложив мне пользоваться его столом и кошельком. О помещении умалчивалось, потому что его собственное было тесновато, но он посодействовал мне достать очень удобную квартиру. В первый раз, когда я обедал у принца, то встретил там: танцовщика Кампиони — человека, стоявшаго, по уму и манерам, гораздо выше своего ремесла; некоего барона Сент-Элена, из Савойи — игрока, развратника и плута; одну даму с подержанной уже наружностью; адъютанта, состоявшаго при особе принца, и недурную собой женщину, лет двадцати, сидевшую по левую руку хозяина.

Она имела вид грустный и задумчивый, ничего не ела и пила только воду. Кампиони сделал мне знак, что она любовница принца... А после сказал мне, что она стóит принцу пропасть денег и делает его несчастливым. Целых два года она дуется на него за отказ на ней жениться. Принц не прочь отделаться от нея и уже предлагал ей в мужья одного подпоручика, но разборчивая дама объявила претензию на чин повыше, по крайней мере, капитанский; а из здешних офицеров, имеющих этот чин, не оказалось ни одного холостаго.

(Казанова, впоследствии, встретился опять с принцем Карлом, уже в Петербурге)... Принц жил в Петербурге у г. Демидова, владельца богатейших железных рудников в России, построившаго себе целый дом из одного этаго металла: стены, двери, лестницы, окна, потолки, полы и кровля, — все было из железа! В таком здании нечего бояться пожара. Худший исход для живущаго в доме представляется в опасности изжариться, но не обратиться в пепел.

Принцу курляндскому[1] сопутствовала его фаворитка; он повсюду отыскивал ей мужа, но таковаго не обреталось. Я виделся с нею и она до того опротивела мне своими вздохами и стенаниями, что я дал себе зарóк — к ней более ни ногой. Самый худший сорт женщин — это угрюмыя, кислыя личности; по нисходящему порядку педантки следуют уже за ними... Принц должен был бы научиться моим примером, на какой ноге нужно держать при себе любовницу; но он принадлежал к числу людей, обладающих особенным умением вселять в самыя приятныя связи тоску и недовольство...

...Я выехал из Риги 15-го декабря на пути в Петербург, куда прибыл через 60 часов после выезда. Разстояние между этими двумя городами почти такое же, как между Парижем и Лионом, считая французскую милю (льё) около 4-х верст. Я позволил стать сзади моей кареты бедному французу-лакею, который зато служил мне безплатно во все время моей поездки. Спустя три месяца после того, я был ни мало удивлен, уви-

[1] Здесь кстати заметить, что когда в России царствовала Елисавета Петровна, то по Италии разъезжал какой-то авантюрист из мелкотравчатых, называвший себя именем этого самаго Карла Бирона (втораго сына герцога) и утверждавший, что он спасся бегством из Сибири. В IV томе своих Записок Казанова разсказывает о его разных мошеннических проделках, жертвою которых выставляет и самаго себя. Кто был этот микроскопический самозванец, неизвестно. Казанова называет его «Charles Iwanoff, le russe».

Д. Р.

дев его возле себя за столом у графа Чернышева в качестве гувернера при сыне его. Но не стану забегать вперед в своем разсказе. Мне предстоит сказать многое о Петербурге, прежде чем останавливать внимание на лакеях, которых я встречал там не только гувернерами князей, но и еще лучше.

II

Петербург. — Бал во дворце. — Знакомства: Мелиссино, Зиновьев, лорд Макартней, Лефорт-сын. — Нравы высшаго общества. — Способ платить игорные долги. — Панин. — Дашкова. — Господство женщин. — Французская литература и Вольтер. — Русский язык и климат. — Приготовление к карусели. — Военные маневры. — Крещенское водосвятие. — Набожность. — Покупка крестьянской девочки. — Всемогущество палки в России. — Отъезд в Москву.

Петербург поразил меня своим странным видом: мне казалось, что я вижу поселение дикарей, перенесенное в европейский город. Улицы длинны и широки, площади пространны, дома просторны: все это ново и неопрятно. Известно, что этот город был импровизирован царем Петром Великим. Его архитекторам удалось подражение постройкам на европейскую стать; но все-таки эта столица высматривает пустыней и соседкою северных льдов. Нева, орошающая своими сонными волнами стены многочисленных дворцов, не река, а скорее озеро (!). Я нашел себе две комнаты в отеле, с окнами на главную набережную. Мой хозяин был штутгардтский немец, сам недавно приехавший сюда. Он очень ловко объяснялся со всеми этими русскими и сразу давал им понимать себя, чему я удивился бы, если-б не знал заранее, что немецкий язык общераспространен в этой стране, а туземное наречие здесь употребляется одною только чернью. Хозяин мой, видя во мне новоприезжаго, растолковал мне, на своей табарщине (baraguoin), что при дворе дается бал-маскарад,— огромный бал на шесть тысяч особ, долженствующий продолжаться 60 часов. Я взял предложенный им билет и, завернувшись в домино, побежал в императорский дворец. Общество собралось уже все и танцы были в самом разгаре; в некоторых покоях помещались буфеты внушительной наружности, ломившиеся под тяжестью съедобных вещей, которых достало бы для насыщения самых дюжих аппетитов. Вся обстановка бала представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядных гостей; общий вид был великолепный. Любуясь им, я вдруг услышал случайно чьи-то

слова: «посмотрите, вот императрица; оиа думает, что ее ннкто не узиает; ио погодnте, ее скоро все различат по ея неотступному спутнику, Орлову». Я пошел вслед за домнно, о котором говорнлн, и вскоре убедился, что то была действительио Екатерина: все маски говорили о ией одио и тоже, притворяясь иеузнающими ее. Среди огромной толпы она ходнла взад н вперед, теснимая со всех сторон, что, по-виднмому, не прнчнняло ей иеудовольствня; нногда она саднлась сзади какой-нибудь группы, ведущей приятельскую болтовню. Этнм она рнсковала столкнуться с кое-какнмн маленькимн неприятностями, так как разговор мог касаться ее самой; но, с другой стороны, возиаграждалась возможностью услышать полезную для себя истину: счастие, редко выпадающее на долю царей. В иекотором разстояиии от императрнцы, я заметил маску колоссальиого роста, с геркулесовскими плечамн. Когда эта атлетическая фигура проходила мнмо, все говорили: «это Орлов»...

(Тут следует разсказ автора о том, как ои встретил иа этом придворном маскараде свою старую парижскую знакомую, куртизаику m-me Baret, бывшую на содержаиин у польскаго послаиинка прн русском дворе, Рожевскаго (Rozeuski), который в это время оставлял Россию, отправляясь в Варшаву).

...После бала, проспав ровио целыя сутки, я поехал к геиералу Мелиссиио (le général Iwanowitch Melissino). У меня было к нему рекомендательное пнсьмо от прежней его фаворнтки, де-Лольо (m-me de Loglio). Благодаря этой рекомендацни, генерал принял меня как нельзя лучше и прнгласнл, раз иавсегда, бывать иа его ужинах. В его доме все было на французский лад: стол и напитки отлнчные, беседа оживленная, а игра и пуще того. Я познакомнлся с его старшнм сыном, жеиатым на кияжие Долгоруковой. С перваго же вечера я засел за фараон; общество состояло все из людей порядочных, пронгрывающнх без сожалення н вынгрывающих без похвальбы. Скромность привычных посетнтелей, равио как н почетное нх положение в обществе, ограждалн нх от всякнх прндрок админнстратнвной власти. Банк держал некто барон Лефорт, сын или племяиннк знамеинтаго адмнрала Лефорта. Этот молодой человек был запятиаи одним дурным делом, иавлекшнм на иего опалу императрнцы. Во время коронацнн Екатерины в Москве, он нсходатайствовал прнвнлегию на учреждение лотерен, для которой потребный фоид дало правительство. Вследствие ошибочных действий правле-

ння, заведывавшаго делом, лотерея эта лопнула, н тогда вся беда обрушнлась на беднаго барона.

Так как я нграл очень сдержанно, то мой вынгрыш едва доходнл до нескольких рублей. Князь*** в монх глазах спустнл однмм разом десять тысяч рублей, отчего ннсколько не казался смущенным, н я вслух выразнл Лефорту мое удивленне перед подобным хладнокровнем, столь редкнм у нгроков.

— «Нечего сказать, велнка заслуга!» возразнл мне банкир, «да ведь князь-то нграл на честное слово н, стало быть, ннчего не заплатит: это его прнвычка».

— А честь?

— «Честь не пострадает от неплатежа нгорных долгов: по крайней мере, так прннято в здешней стране. Между двумя нгрокамн существует безмолвный договор, по которому пронгравшнй на́слово волен платнть нлн нет; вынгравшнй был бы смешон, еслн-б требовал уплаты, которую его должннк не предлагает внестн сам».

— Подобный обычай должен бы, по крайней мере, давать право банкнру отвергать ставку того нлн другаго понтера.

— «Ну, нн одни банкомет не посмеет нанестн такой обнды кому бы то нн было. Пронгравшнйся дотла почтн всегда удаляется, не расплатнвшнсь; честнейшне нз ннх оставляют залог, но это случается редко. Здесь есть молодые людн самых знатных фамнлнй, которые ведут, что называется, нгру мнимую, безответственную, н смеются прямо в глаза тем, кто у ннх вынгрывает».

В доме Мелнссино я познакомнлся также с молодым гвардейскнм офнцером Зиновьевым, блнзкнм родственннком Орловых[1]. Он меня представнл английскому посланннку, лорду Макартнею (Macartney). Этот молодой днпломат, краснвый, богатый, нзящный в обращеннн, вздумал влюбнться в одну нз фрейлнн нмператрнцы[2] н нмел неосторожность сделать ее беременной. Екатерина нашла поступок весьма дерзкнм; она простнла де-

[1] Двоюродный его брат, Василий Николаевич, впоследствии действ. камергер, тайн. сов. и секретарь, брат жены Григория Григорьевича Орлова, Екатерины Николаевны, рожденной Зиновьевой. Впрочем, был еще Андрей Николаевич Зиновьев (полковник), их брат.

Д. Р.

[2] Названа в записках «M-lle Chesroff» — фамилия, очевидно, искаженная. В биографических списках фрейлин, составленных Карабановым, не значится ни одной фамилии, сколько-нибудь похожей на эту.

Ред.

вушке ея погрешность, но потребовала, чтобы посланник был отозван.

У меня было еще письмо мадам Лолье (Loglio) к княгине Дашковой, удаленной из Петербурга после того, как она оказала содействие своей государыне к восшествию на престол, который она надеялась разделять с нею. Я поехал засвидетельствовать ей мое почтение, в ея деревню, за три тысячи верст от столицы (?!!). Застал я ее в трауре по муже, покойном князе[1]. Она предложила мне свою рекомендацию к графу Панину и сказала, что с этой рекомендацией я могу смело явиться к нему. Как я узнал, Панин часто посещал Дашкову и мне казалось, по меньшей мере, странным, как императрица терпела дружеския отношения своего министра с женщиной, которую удалила от двора. Тайна объяснилась позже: мне сказали, что Панин — отец княгини (!!!); до тех же пор я упорно думал, что он ея возлюбленный. Ныне[2] княгиня Дашкова, уже пожилая, состоит президентом петербургской академии. Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно на выворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране не достает одной только вещи, — а этим татарским красоткам (à ces beautés tartares) — одного лишь преимущества, именно: чтобы оне командовали войсками!

...Я имел много случаев заметить, каким уважением пользуются французския книги со стороны русских, т. е., людей образованных или претендующих на образованность. Говоря о французских книгах, я разумею сочинения Вольтера, которыя для московитов представляли всю французскую литературу. Великий писатель посвятил императрице свою «Философию истории» (Philosophie de l'histoire), о которой он сам отзывался, как о сочинении, написанном для Екатерины. Месяц спустя после выпуска из печати, три тысячи экземпляров этого сочинения были публикованы в России и раскуплены на-расхват в одну неделю. Каждый русский, читающий по-французски, носил книгу в своем кармане, словно молитвенник или катехизис. Особы высшаго круга толь-

[1] Княгиня Дашкова овдовела 17-го августа 1764 г. Ред.

[2] Слово «ныне» относится, разумеется, не ко времени прибывания Казановы в России, а к позднейшим годам, когда он писал свои воспоминания.

Д. Р.

ко и бредили Вольтером и божились ие иначе, как его именем. Прочитав его, они считали себя обладателями знаний самобытиых и всестороиних, почти наравне с своим учителем. «Но для того, чтоб основательно усвоить знания и мудрость Вольтера», говаривал я им часто, «лучше следовало бы изучать те источники, откуда он сам почерпнул их: это было бы средством вернейшей оценки того и другаго». Но я проповедовал глухим. Ферненский патриарх был в моих глазах — альфа и омега всякаго знания и всякой премудрости. Русские моего времени напоминали мне собою чрезвычайно меткое и тонкое изречение одного знаменитаго римскаго прелата, который сказал мне однажды: «Берегитесь когда-либо спорить с таким человеком, кто ничего не читал, кроме одной только книги». И так, я безстрастно смотрел, как проносился мимо меня этот шумный поток восторженных похвал.

...Иногда служанка обращалась ко мне с несколькими словами на своем татарском диалекте, над которым я мог бы вдоволь посмеяться при всяком другом случае. Сколько я ни бился, сколько ни ломал себе голову над русской грамматикой, — уста мои отказывались произнести внятно хоть бы одно слово этого бычачьяго языка (cette langue de taureau). К счастию еще, что в два месяца эта девушка кое-как выучилась по-итальянски на столько, что могла что-нибудь говорить со мной... Никогда я не мог выучиться русскому языку, о котором Ж. Ж. Руссо (невежественный великий человек!) говорит, как об испорченном наречии греческаго. Русский язык, напротив того, есть ничто иное, как гóвор, почти первобытный, сложившийся в глубине востока. Я всегда думал, что кто-либо из ученых ориенталистов, путем сравнительных выводов (induction), успеет открыть коренныя начала этого языка.

...Зимою иностранцы здесь безпрестанно отмораживают себе уши, носы и щеки. Одним утром, на пути в Петергоф, я встречаю русскаго, который, набрав в горсть снегу, вдруг кидается на меня и, крепко ухватившись, начинает тереть мне снегом левое ухо. В первую минуту я принял-было оборонительное положение; но, к счастью, в пору догадался о причине этого поступка: мое ухо начинало отмораживаться, а добрый человек это заметил, видя, что оно побелело.

...Императрица поручила своему архитектору Ринальди (это было летом) построить на дворцовой площади обширный деревянный амфитеатр, котораго план

я видел. Ея величеству угодно было дать карусель, на котором мог бы красоваться цвет воинов ея империи. Много подданных государыни было приглашено на этот праздник, впрочем, тогда не состоявшийся, по причине дурной погоды[1]. В программе возвещалось, что карусель откроется в первый красный день; но этот красный день не наступил: и действительно, утро без дождя, ветра или снега — редкость необычайная в Петербурге. В Италии мы привыкли полагаться на хорошую погоду, в России же должно всегда разсчитывать на ненастную. Вот почему мне всегда смертельно хочется смеяться, когда я встречаю русских путешественников, говорящих с умилением о ясном небе их родины: странное небо, котораго я, по крайней мере, никогда не знал иначе, как в виде сероватаго тумана, извергающаго густые хлопья снега!

...Летом в Петербурге можно знать о наступлении вечера только по заревому пушечному выстрелу; без того нельзя знать об этом наверно, ибо в летнюю пору ночи не бывает. В полночь вы можете читать письмо без свечки. Явление удивительное, не правда ли? Я согласен; но оно надоедает ужасно. Шутка плоха, когда она слишком длинна. Кто может равнодушно вынести безконечный день из целых семи недель?..

...Скажу несколько слов о небольшой поездке, которую я сделал в окрестностях Петербурга. Это было по случаю большаго смотра пехотных войск, на котором присутствовал весь двор. Квартиры заранее были заняты для главнейших офицеров и придворных дам; а потому мудрено было достать себе удобное помещение на пространстве трех миль в окружности. Самая бедная деревушка в любом краю западной Европы есть чудо великолепия в сравнении с русскими селениями, состоящими сплошь из лачуг и хлевов, где нечистота является наименьшим неудобством. Поэтому я решился избрать убежищем свою карету, откуда и не выходил. В моем просторном и покойном дормезе я даже принимал визиты, иногда человек пяти в один раз; но особенно оказалось выгодным мое подвижное жилище в том отношении, что с ним я мог переноситься в какое угодно место лагеря и не упустить ни одной занимательной подробности этого зрелища. Оно длилось три дня. На маневрах представлялось подобие военных действий, пускались фейерверки, сделан взрыв крепостцы,— взрыв,

[1] Карусель состоялся 11-го июля 1766 г. Пр. перев.

который стоил жизни нескольким солдатам, но не произвел сильнаго впечатления, как ожидавшийся заранее.

...Еще присутствовал я зимою, в день Богоявления, при особенном обряде: я хочу сказать, при водосвятии на реке Неве, покрытой в это время толстым слоем льда. Церемония эта привлекает бездну народа, ибо после водосвятия крестят в реке новорожденных и не посредством обливания, а чрез погружение нагих младенцев в прорубь на льду. Случилось в тот день, что поп (le pope), совершавший крещение, старик с белою бородой и трясущимися руками, уронил одного из этих бедных малюток в воду, и ребенок утонул. Встревоженные богомольцы приступили с вопросом: что значит такое предзнаменование?

— «А это значит», отвечал с важностью поп, «это значит... вот что: ...подайте мне другаго».

Более всего удивила меня радость родителей бедной жертвы. Потерять жизнь при самом крещении, говорили они с восторгом, значит прямо войти в рай.

Не думаю, чтобы православный христианин мог сделать како́е-нибудь возражение на подобный аргумент [1].

...Русские — суевернейший народ в целом свете. Святому Николаю, их патрону, одному воздается более молитв и земных поклонов, чем всем остальным святым календаря в совокупности. Русский молится не Богу: он поклоняется св. Николаю и ему возносит свои моления. Вы найдете здесь везде образ этого святаго; его икону я видел и в столовых залах, и в кухнях, и, одним словом, всюду, где бы ни было: это их домашнее божество, их бог — лар. Гость, приехав в дом, должен сперва поклониться изображению святаго, а потом уже поздороваться с хозяином. Я видел, как московиты, при входе в комнату, где, по какому-либо исключительному случаю, не было этой иконы, проходили в другия комнаты искать ее. На исподе всех этих обычаев лежит язычество, точно также, как и на дне всех верований, преувеличенно-воспринятых, доведенных до крайних проявлений. Самая забавная несообразность оказывается еще в том, что язык московитский есть чисто-татарское наречие, а между тем, литургия отправляется на грече-

[1] Очевидно, что повествователь жестоко завирается: он не мог быть свидетелем невозможной небывальщины и баснословит с чужаго голоса других иностранцев-сказочников.

Д. Р.

ском[1], так что православные всю свою жизнь твердят молитвы и славословия, в которых сами не понимают ни слова. Перевод молитв на язык общеупотребительный сочтен был бы за дело нечестивое, что внушается духовенством, с целью сохранить собственное влияние и употреблять его в свою пользу.

(Далее Казанова разсказывает не совсем правдоподобную, по обстановке, историю о том, как, с содействием Зиновьева, он купил себе за сто рублей тринадцатилетнюю крестьянскую девочку у р о д н а г о е я о т ц а. Он называет ее З а н р о й):

...Прогуливаясь близ Екатерингофа вместе с Зиновьевым, мы встретили очень молоденькую, еще неразвившуюся девушку, поразительно-хорошенькую, но дикозастенчивую; при нашем приближении она бросилась бежать; а мы, по ея следам, вошли в избушку, куда она скрылась и где мы нашли ея отца со всею семьей. Девочка спряталась в углу и глядела на нас с тоскливым выражением испуга, как горлица, попадающая на зуб волку.

Зиновьев вступил в разговор с отцом ея. Сколько я понял, речь шла о девочке, потому что она, по знаку своего отца, послушно подошла вперед. Через четверть часа мы вышли из хижины, подарив несколько рублей детям. Тут Зиновьев мне сказал, что он предложил хозяину купить у него дочь себе в служанки, на что тот согласился.

— Сколько же он хочет за это сокровище?

— «Цену непомерную: сто рублей... Вы видите, что тут ничего не поделаешь».

— Как ничего не поделаешь? Да это просто даром!

— «Так, значит, вы не прочь дать сто рублей за девочку?»

— Еще бы. Только согласится-ли она следовать за мной и принадлежать мне?

— «Она обязана будет к этому, как только поступит в ваше владение, — и если разсудок не вразумит ее, то вы в полном праве пустить в ход палку».

— Следовательно, не смотря на ея нежелание, я могу заставить ее быть при себе, сколько мне угодно?

[1] Таким-то образом чужеземный гость понял различие между русским и церковно-славянским, между почитанием святаго и обоготворением его! Всего интереснее эти суждения в устах католика-итальянца, который в своей отчизне особенно мог свыкнуться с преувеличенными формами набожности.

Пр. перев.

— «Без всякаго сомнения, — по крайней мере, покуда она не возвратит назад ста рублей».

— Если я ее возьму, какое жалованье должен ей давать?

— «Ни полушки: только кормить ее да отпускать, по субботам, в баню, а по воскресеньям — в церковь».

— При окончательном выезде моем из Петербурга, дозволено-ли мне будет увезти ее с собой?

— «Да, только нужно получить на это разрешение, со взносом денежнаго обезпечения (sous une garantie pécuniaire), ибо эта девушка, прежде чем она раба ваша — есть царская».

— Вот и все, о чем я хотел знать. Теперь угодно вам будет взять на себя труд договориться о сделке с ея отцом.

— «Хоть сейчас, коли хотите, — и вздумай вы набрать себе целый гарем, так стоит лишь молвить одно слово; в красивых девушках недостатка здесь нет».

...На другой день утром мы с Зиновьевым опять направились туда; я отдал своему спутнику сто рублей, и мы вошли в избу. Предложение, которое от моего имени заявил хозяину Зиновьев, привело добраго человека в немой восторг и удивление. Он стал на колена и сотворил молитву святому Николаю, потом дал благословение дочке и сказал ей несколько слов на ухо; девочка, посмотрев на меня с улыбкой, проговорила: «Охотно»...

Зиновьев выложил сто рублей на стол; отец взял их и передал дочери, которая тотчас вручила деньги своей матери. Покупной договор (le contract de vente)[1] был подписан всеми присутствовавшими; мои слуга и кучер, вместо рукоприкладства, поставили на акте кресты, после чего я посадил в карету свою покупку, одетую в грубое сукно, без чулок и рубашки.

...Я одел ее в платье французскаго покроя. Однажды я повел ее, наряженную таким образом, в публичную баню, где 50 или 60 человек обоего пола, голых как ладонь, мылись себе, не обращая ни на кого внимания и полагая, вероятно, что и на них никто не смотрит. Происходило-ли это от недостатка стыдливости, или от избытка первобытной невинности нравов — представляю угадать читателю.

...Кажется, эта девушка (Заира) сильно привязалась ко мне и вот отчего: во-первых, потому, что я всегда

[1] Можно думать, что это был контракт на отдачу в услужение, по найму, с согласия отца семейства.

Д. Р.

обедывал с нею за одним столом, что очень ее трогало; во-вторых, за то, что я иногда ее водил к ея родителям, — льгота, которою рабы редко пользуются от своих господ; а наконец, если уже все высказать, так и за то, что я, от времени до времени, поколачивал ее палкой — действие, общераспространенное в России, но, большею частью, применяемое без толку. Этот обычай, не всегда удовлетворительный (defectueux) в своем практическом приложении, в принципе превосходен, как местная насущная необходимость. От русских ничего не добьешься путем убеждений, коих и понимать они, кажется, неспособны; словами из них не сделаешь ровно ничего, а колотушками (les horions) — все что угодно. Побитый раб всегда так разсуждает: «барин мой мог бы прогнать меня долой, да не сделал этого; следовательно, он хочет держать меня при себе, потому что любит; и так, мое дело любить его и служить ему усердно».

По этому выводу я припоминаю, что у меня в услужении был один казак (!), умевший говорить по-французски. Иногда он черезчур упивался водкой и я старался образумить его увещаниями. Только один мой знакомый, поглядевши на это, и говорит мне: «Ну, смотрите! вы не бьете вашего слугу, так он же побьет вас», — что и сбылось, или чуть-чуть не сбылось. Однажды, когда он был мертвецки пьян, я стал журить его и погрозил ему движением руки. Тотчас же он схватывает палку и бросается на меня: он попал бы наверно, если-б я не успел сбить его с ног. Русский раб, обыкновенно столь покорный и безответный, в пьяном виде становится просто страшен. Стакан водки делает из него дикаго зверя. Господствующий порок этого народа, кроме обжорства, чрезмерное пьянство, — порок, впрочем, извиняемый свойствами климата. Кучер, всю ночь на-пролет сидящий на своих козлах у господскаго подъезда, греется выпивкой; первый стакан водки непременно позывает на другой, и так далее до того, что это лекарство оказывается вреднее самаго недуга, которому должно было противодействовать, — и если упившийся кучер заснет, то ему уже никогда более не проснуться...

Пора теперь сказать о моей поездке в Москву, бывшей в исходе мая.

...Я нанял извощика с шестериком лошадей за 80 рублей. Это не дорого, если взять в соображение, что переезд предстоял почти в 500 итальянских лье, или в 72 версты (?!). В Новгороде, где у нас была остановка, я заметил, что мой извощик очень печален: разспрашиваю

его и в ответ слышу, что одиа нз лошадей перестала есть корм н что, вероятно, ей придется быть жертвою нашего путешествня. Иду вслед за извощиком в конюшню н, в самом деле, вижу бедное жнвотное иеподвнжным, с понуренной головой. Извощик мой обращается к больиой лошадн с речью и упрашивает ее, в выражениях самых нежных, кушать корм; начниает ее всяческн ласкать, гладить по голове, целовать в морду: ннчто не помогало. Тогда мой парень прииялся горько плакать: а я — фыркать от смеха, потому что видел намеренне чувствительнаго моего возницы тронуть лошадь зрелнщем своего горя. Целая четверть часа прошла безуспешно, и мой кучер был уже ие в состоянии плакать; тогда ои перемеиил способы убеждения. За минуту до того слезы его душнлн, а теперь гиев обуял. Хозяии несчастного коня иачал расточать ему названия лентяя, упрямца и т. п., а потом выволакнвает его из конюшнн, привязывает к столбу, вооружается палкой и начниает бнть ею по животному, как по стеие. После экзекуцни ои отводит лошадь в конюшню и подкладывает ей корм: она начннает есть, н вот мир заключеи, а участь моего путешествия обезпечеиа. Только в одной России действие палки производит такия чудеса. Теперь, как я слышу, палка там работает не столь уже деятельно н мастерскн. Русские, на свою беду, иачннают слабее веровать в нее, перенимают французскне обычаи, падают, одним словом. Пусть бы остереглись! Уж они слишком далеко уходят от добрых старых времен Петра Великаго, когда палочныя порции отпускались методнчески и последовательно, по старшинству чниов. Полковннк получал поощрения кнута от генерала и обращал нх иа капитана, который наделял нми поручика, а тот, в свою очередь, капрала; рядовой одии только не имел за собой никого, кому мог бы передать их преемствеино; ио в возмещение он мог получать нх от всех и каждаго.

III

Москва. — Отношение старой столицы к новой. — Московское радушие и барское хлебосольство. — Отсутствие щепетильности. — Любезность дам. — Опять Петербург. — Фаворитка вельможи и его жена. — Чужестранные ловцы счастия. — Братья Лунины. — Встречи и беседы с императрицею Екатериною II. — Поступок ея с актрисой-француженкой. — Отъезд автора из России в Варшаву. — Король польский Станислав-Август.

В Москве я остановился в очеиь хорошей гостииице. После обеда, особеиио для меня иеобходимаго с дороги,

я взял извощичью карету и отправился развозить рекомендательныя письма, в числе четырех или пяти, полученных мною от разных особ. Промежутки в этих визитах дали мне время показать Москву моей Заирочке (à ma petite Zaïre). Она была очень любознательна и приходила в восторг от каждаго здания; для меня же в этой прогулке памятно одно лишь обстоятельство: неумолкаемый звон колоколов, терзавший ухо. На следующий день мне отдали все визиты, сделанные мною накануне. Каждый звал меня обедать вместе с моей питомицей. Г. Демидов в особенности оказывал внимательность к ней и ко мне. Я должен сказать, что девочка делала с своей стороны все зависящее, чтоб оправдать эту любезность. Во всех обществах, куда я ее возил, раздавался постоянно хор похвал уменью ея держать себя, грациозности и красоте. Мне было очень приятно, что никто не хлопотал разведывать, точно-ли она моя воспитанница, или просто любовница и служанка. В этом отношении русские самый нещепетильный и сговорчивый народ в мире и практическая их философия достойна высоко-цивилизованных наций.

Кто Москвы не видал, тот не видал России, и кто знает русских только по Петербургу, тот не знает русских чистой России. На жителей новой столицы здесь смотрят, как на чужеземцев. Истинною столицею русских будет еще надолго матушка-Москва (la sainte Moscou). К Петербургу относится с неприязнью и отвращением старый москвич, который, при удобном случае, не прочь провозгласить против этой новой столицы приговор Катона старшаго за счет Карфагена. Оба эти города — соперники между собой не вследствие только различий в их местном положении и назначении: их рознят еще и другия причины, причины религиозныя и политическия. Москва тянет все назад, к давнопрошедшему: это город преданий и воспоминаний, город царей, отродье Азии, с изумлением видящее себя в Европе. Я во всем подметил здесь этот характер, и он-то придает городу своеобразную физиономию. В течение недели я обозрел все: церкви, памятники, фабрики, библиотеки. Эти последния составлены весьма плохо, потому, что население, претендующее на неподвижность, любить книги не умеет. Что до здешняго общества, то оно мне показалось приличнее петербургскаго и правильнее цивилизованным. Московския дамы отличаются любезностью. Они ввели в моду премилый обычай, который желательно бы распространить и в других краях, а имен-

но: довольно чужестранцу поцеловать у них руку, чтоб оне тотчас же подставили и ротик для поцелуя. Не сочту, сколько хорошеньких ручек я спешил разцеловать в течение первой недели моего пребывания. Стол здесь всегда изобильный, но услуживают за столом безпорядочно и неловко. Москва — единственный город в мире, где богатые люди держат открытый стол в полном смысле слова. Не требуется особаго приглашения со стороны хозяина дома, а достаточно быть с ним знакомым, чтобы разделять с ним трапезу. Часто случается, что друг дома зовет туда с собой многих собственных знакомых и их принимают точно также, как и всех прочих. Если приехавший гость не застанет обеда, тотчас же для него нарочно опять накрывают на стол. Нет примера, чтобы русский намекнул, что вы опоздали пожаловать; к подобной невежливости он окончательно не сроден. В Москве круглыя сутки идет стряпня на кухне. Повара там в частных домах заняты не менее, чем их собратья в парижских ресторанах, и хозяева столь далеко простирают чувство радушия, что считают себя как-бы обязанными лично подчивать своих гостей за каждою трапезой, что иногда следует, без перерыва, вплоть до самой ночи. Я никогда не решился бы жить своим домом в Москве; это было бы слишком накладно и для моего кармана, и для здоровья.

...Русские — самое обжорливое племя в человечестве...

(За сим, автор говорит о своем возвращении в Петербург, к которому и относятся дальнейшия его воспоминания).

...Еще когда я был в Мемеле, то взялся оттуда передать письмо флорентинки Брогонци к венецианке Роколини, переехавшей в Петербург, с намерением поступить там на сцену Большаго театра, в качестве певицы. Но эта девушка, незнакомая с начальными правилами своего искусства, не была туда допущена. Что же тогда она сделала? Сблизилась с одной француженкой, женою купца, по имени Прот (Prote), с целью расположить в свою пользу эту женщину, которая жила в доме обер-егермейстера императрицы, была его любовницей и, в одно и тоже время (небывалое дело!), наперсницей и доверенною особой у супруги обер-егермейстера, Марии Павловны [1]. Та терпеть не могла своего благоверна-

[1] Речь идет, как видно, о обер-егермейстере Семене Кирилловиче Нарышкине (1710—1775) и жене его Марье Павловне, рожденной Балк-Полевой (1730—1793). Д. Р.

го и ничуть не возставала против того, что мадам Прот взяла на себя, вместо нея, вести супружеския с ним отношения. И так, Роколини, которую здесь звали синьорою Виченца, бывала у этой француженки и сама принимала ее к себе со всем ея обществом, что и дало большой ход неудавшейся певнце, хитрой и весьма еще представительной бабенке, не смотря на ея сороколетний возраст. Она пригласила меня на ужин. «Если вы любитель чудес», сказала мне она, «то я покажу вам одно чудо». Дело шло о мадам Прот. Она была в числе гостей и, действительно, никогда я не видал такой чудной красоты. Ея обожатель, обер-егермейстер, давал ей полную свободу в образе жизни, и потому я имел возможность пригласить красавицу, в сообществе с другими знакомыми, обедать в Екатерингоф у одного из лучших рестораторов (из Болоньи), у знамеинтого Л о к а т е л л и, о котором и теперь еще помнят хорошие едоки. Остальными моими гостями были Зиновьев, Колонна, синьора Виченца и одни музыкантик, ея благоприятель. Наш пир был очень весел...

...Однажды явился ко мне с визитом молодой француз, по имени Кревкёр (Crevecoeur), в паре с миловидною и молоденькою парижанкой, мамзель Ларивьер (m-lle Larivière), и вручил мие письмо от принца Карла курляндскаго, который усердно рекомендовал мне его.

— Потрудитесь сказать, в чем же могу я быть вам полезен?

— «Представьте меня вашим друзьям».

— У меня здесь их очень мало, потому что я сам иностранец. Бывайте у меня, я с своей стороны стану посещать вас; а что касается до знакомств, которыя я могу иметь здесь, то обычай не дозволяет мне ввести вас в эти знакомства. Под каким именем должен я представить даму, которая пожаловала вместе с вами? Супруга-ли она ваша? Кроме того, ведь меня непременно спросят, какая причина вашего приезда в Петербург? Что же буду я отвечать на все это?

— «Что я дворянин из Лотарингии, путешествующий для своего удовольствия. Девица Ларивьер — моя подруга».

— Признаюсь вам, подобныя оснoвания для рекомендации не покажутся удовлетворительными. Впрочем, вы, может быть, хотите изучать страну, ея нравы, обычаи; может быть, имеете единственную целью — развлечение; в таком случае, для вас нет и иадобиости в част-

иых знакомствах; к вашим услугам театры, гулянья, балы общественные, даже придворные балы. Чтобы пользоваться всеми этими удовольствиями, нужны только деньги.

— «А их-то именио и иет у меия».

— Вы ие имеете денег, а решились без них приехать на житье в иностраиный столичный город?[1].

— «Мамзель Ларивьер склонила меня пуститься в это путешествие, уверив меня, что тут мы добудем средства жить со дня иа день. Мы выехали из Парижа без копейки, и вот до сих пор еще очень удачно выпутывались из затруднений».

— Вероятно, сама мамзель Ларивьер и хозяйиичает вашим общим кошельком?

— «Наш кошелек», перебила она меня смеясь, «в карманах наших друзей».

— Я считаю очень естественным, что вы, сударыня, находите друзей по всему свету, — и будьте уверены, что в качестве одного из них, я тоже предложил бы вам свой кошелек; но, к несчастью, я не богат.

Тут разговор наш был прерван входом некоего Бомбакка, гамбургскаго урожеица, который бежал от долгов из Англии, где жил прежде, и поселился здесь. Этот господин устроил себе в Петербурге известное положение: он занял место по военному ведомству, довольно видное; жил на большую ногу, и так как был большой любитель игры, женщин и лакомаго стола, то при настоящем случае я и подумал, что в его особе как раз подоспевает готовое знакомство для оригинальных странствователей, которых кошелек находится в карманах их друзей. Бомбакк тотчас же растаял от смазливой дамочки, что ею принято было весьма благосклонно, и через четверть часа пригласил их на завтра к обеду, также как и меня с Заирой.

Когда я к нему приехал, Кревкер и мамзель Ларивьер были уже за столом с двумя русскими офицерами, братьями Луниными (ныне генерал-майорами, а тогда еще в самых первоначальных чинах)[2]. Младший из них,

---

[1] Выражая благоразумное удивление безденежной отваге путешественников, Казанова забывает, что сам приехал в Россию с тремя монетами в кармане!

Д. Р.

[2] Не из этих-ли двух братьев был Петр Михайлович Лунин, о котором разсказывает П. Ф. Карабанов («Р. С.», т. V, 133), что он из капитанов гвардии получил, в 1774 г., чин полковника за ловко-перехваченную у князя Лобанова весть о взятии Пугачева?

Д. Р.

белокурый, нежиый и хорошенький, как барышня, слыл любимцем кабииет-секретаря г. Теплова... Вечер закончился оргией.

...По возвращении моем из Москвы в Петербург, первою для меня новостью была весть о побеге Бомбакка и арестовании его в Москве. Бедняка засадили в тюрьму; дело его было важно, как усложнившееся бегством. Однако-ж, его не осудили на смерть и даже ие лишили прежняго звания, но назначили на постоянную службу в камчатском гарнизоне. Что касается Кревкера и его подруги Ларнивьер, то они скрылись с кошельками друзей в своих карманах.

Пора мне приступить к разсказу о моем свидании с императрицей.

Граф Панин, воспитатель иаследиаго приица Павла, спросил меия раз: неужели я иамереи уехать из Петербурга, не увидав императрицу? Я отвечал изъявленнем крайняго сожаления о том, что лишеи этого счастья, не имея в виду, кому бы угодно было представить меня государыне. Тогда граф указал мие иа Летний сад, как иа место обычиой утреиией прогулки ея величества.

— Но с какого повода и по какому праву могу я предстать перед нею?

— «В этих основаниях вы не имеете надобиости».

— Но я вовсе неизвестен императрице...

— «Ошибаетесь; она вас видела и даже заметила».

— Во всяком случае, я не осмелюсь приблизиться к ея величеству без чьего-либо посредства.

— «Я там буду».

Граф условился со мной о дне и часе. В иазначеииое время я пошел на прогулку один, разсматривая обстаиовку сада. По обеим сторонам аллеи были разставлены статуи жалчайшей работы: горбатые Аполлоны, щедушныя Веиеры, дюжие Амуры, сложеииые гвардейскими солдатами, и, вдобавок, ничего ие было смешнее путаиицы, допущениой в именах мифологических и исторических. Помню одну маленькую и безобразную фигурку, с названием Гераклита, и уродливую же, хныкающую физиономию, под титулом Демокрита. Бородатый старик наречен был Сафо, старуха именовалась Авиценна; двое юношей, невинно-ласкающих друг друга, слыли Филемоном и Бавкидой. Но я сдержал в себе смех, приближаясь к подходящей императрице.

Впереди шел Орлов, сзади следовали миогия да-

мы, сбоку государыни шел граф Панин. После первых приветствий, она спросила мое мнение об обстановке сада. Ответ мой был повторением того, который я дал королю прусскому на подобный же вопрос[1].

— Что касается надписей, прибавил я, то, конечно, оне сделаны для мистифирования несведующих и для забавы тех, кто имеет некоторыя познания в истории.

— «Надписи и персонажи — все это ничего не означает. Мою покойную тетку[2] обманывали. Надеюсь, вы могли бы увидеть в России многое, не столь смешное, как эти статуи».

— Государыня! Если в вашей империи что-либо и могло бы показаться подобным, то оно отстоит неизмеримо далеко от всякаго сравнения с предметами, возбуждающими восторженное изумление иностранцев.

При дальнейшем ходе разговора я имел случай произнести с похвалою имя короля прусскаго. Императрице угодно было, чтобы я сообщил ей подробности моего с ним свидания, что я и выполнил. В это время зашла речь о празднестве, предположенном императрицею, но отложенном за дурною погодой, то-есть, об упомянутом уже мною турнире или каруселе, на который должны были собраться отличнейшие воины государства. Екатерина спросила меня, в обычаи-ли подобные праздники в моем отечестве.

— Конечно, и тем более, что климат Венеции благоприятен для увеселений такого рода. Хорошие, ясные дни там столько же обыкновенны, как здесь редки, не смотря на то, что путешественники находят здешний год моложе, нежели во всех прочих местах.

— «Правда, ваш год старее одинадцатью днями».

— Не было-ли бы, подхватил я тут, нововведением, достойном вашего величества, принятие грегорианскаго календаря в вашей обширной державе? Вам, государыня, не безъизвестно, что он усвоен всеми народами. Сама Англия, четырнадцать лет тому назад, откинула 11 последних дней февраля, и этою мерой правительство ея приобрело несколько миллионов. В прочих странах Европы все с удивлением взирают на то, что старый стиль до сих пор еще употребляется в такой империи, где государь есть в тоже время глава церкви и где существует академия наук. Все готовы думать, что Петр Великий, установивший начало года с 1-го января,

[1] Что сад великолепен.
[2] То-есть, императрицу Елисавету Петровну.

отменил бы притом и старый стиль, когда бы не сознавал для себя обязательным держаться тогдашняго примера Англии, в руках у которой была торговля России...

— «И потом», перебила меня императрица, «Петр не был ученым».

— Он был выше всякаго ученаго, государыня! Он был муж великаго, гениальнаго ума! Что за такт в делах! Что за искусство в их ведении! Какая решительность! Какая смелость! Он успевал во всех своих предприятиях, потому что обладал умом, который предохранял его от ошибок, и всею силой, необходимой для борьбы со злом...

Я не успел окончить панегирик, как Екатерина отвернулась от меня и пошла далее. Тут мне пришло в голову, что она не могла, без некотораго затаеннаго неудовольствия, выслушивать похвалы, расточаемыя ея предшественнику. Встревоженный таким исходом разговора, я старался разведать что-нибудь по этому поводу от графа Панина, который, однако-ж, уверял меня, что я весьма понравился ея величеству и что государыня каждый день разспрашивала обо мне. Он мне советовал пользоваться случаями — вновь встретиться с нею.

— «При том же», прибавил граф, «так как вы произвели хорошее впечатление, то, по всей вероятности, удостоитесь приглашения бывать при дворе, — и тогда, если заявите желание вступить здесь на службу, то получите место».

Недоумевая, какое место могло бы мне быть подстать в стране, где постоянное житье не особенно улыбалось моим мечтам, я был, однако-ж, весьма польщен известием, что государыня приняла о моей особе благосклонное мнение и обрадован возможностию иметь доступ ко двору. И так, я в полной мере воспользовался данным мне правом и каждое утро ходил гулять в царские сады, где снова встретил императрицу. Для меня было чрезвычайно лестно, что она сама заговорила опять о вопросе, котораго я коснулся при первом моем представлении.

— «То, чего вы желали для чести России, уже сделано», сказала она. «Отныне впредь, на всех письмах и сообщениях, идущих от нас заграницу, также как и на всех официальных документах, могущих иметь значение для истории, будут выставляемы числа того и другаго стиля, одно над другим».

— Я доложу вашему величеству, что старый стиль

разлнчествует от новаго на однннадцать дней н что в конце нынешняго века разность эта еще увелнчнтся. Что же вы сделаете с нзлншком, который образуется вследствне этого?

— «Я все предусмотрела. Последннй год века, который, по грегорнанскому счнсленню, не будет высокосным в Европе, прндется не высокосным н у нас. Прнтом ошнбка допускает разннцу на 11 дней, совпадающнх как-раз с тем чнслом, которым ежегодно умножают э п а к т ы. Это дает нам право сказать, что вашн эпакты те же, что н нашн, с едннственным разлнчнем на однн год. Относнтельно праздннка Пасхи мы предоставляем первое слово вам. Вы полагаете равноденствне 2-го марта, а мы его определяем 10-го; но, в этом случае, вы не более нас научнлнсь от астрономов... нногда вы бываете правы, а нногда нет, нбо то чнсло, когда настает равноденствне, есть переходящее: оно наступает однмм, двумя н даже тремя днямн раньше нлн позже... Вы можете даже убеднться, что в счнсленнн своем вы не сходнтесь нензменно с евреямн, которые сохраннлн у себя особую вставочную прнбавку дней (l'embolisme)».

Я был озадачен. Вот полный курс астрономнн, подумал я. Затем прннскнвая возраження, я сказал:

— Мне остается только преклонnться пред доводамн вашего велнчества; но как же быть с вопросом о празднованнн Рождества?

— «Я ожндала, что вы это скажете. Рнм прав в этом отношеннн н вы хотнте заметнть, что Рождество не празднуется во время солнцестояння, как следовало бы праздновать. По моему, подобное замечанне не нмеет особеннаго веса. Сверх того, справедлнвость н полнтнка обязывают меня поддержнвать эту маленькую неправнльность. Я не могу, вычеркнвая 11 дней нз календаря, заставнть несколько мнллнонов человек, — да н себя в том чнсле, — потерять годовщнну дня нх рождення н нмяннн. Как знать? Пожалуй, сказалн бы, что я отняла 11 дней у жнзнн человеческой; наконец, сталн бы смотреть на меня, как на безбожнНцу н нарушнтельннцу вселенскнх постановленнй Ннкейскаго собора».

Аргумент не допускал возраженнй. Всякнй поймет, что не было средств оспарнвать непогрешнмость Ннкейскаго собора. По мере того, как нмператрнца говорнла, мое уднвленне возрастало с каждым ея словом; но скоро я заметнл, что она пересказывала все это, как заученый урок, н что если следовало уднвляться, то

разве ея памяти. Действительно, я узнал на другой день, что великая Екатерина имела у себя в кармане небольшой трактат об астрономии, с помощью котораго ей удобно было выказать знание этого предмета. Впрочем, она выражала свои мнения (внушенныя ей предварительно) с примерною сдержанностию, она искала эффекта в самой себе, а не в том, что говорила. От природы своенравная и настойчивая, она поставила себе законом сохранять совершенно ровное расположение духа, — привычка, нелегко достающаяся и стоившая ей громадных усилий. В то время, как я видел Екатерину, она была еще молода, высока (sic), белолица, полна, с предрасположением к тучности, имела открытый вид и благородное выражение лица. Люди, которые не признавали главным достоинством наружности правильныя черты и гармонию всех лицевых частей, считали Екатерину красавицей. Я в особенности был тронут ея добротой, которая со всех сторон привлекала к ней сочувствие и доверие, столь необходимыя монархам, тогда как, напротив, оне отталкивались строгим видом и неприветливостью ея соседа, короля прусскаго. При обзоре деятельности и всей жизни Фридриха II, удивляешься высокому его мужеству, которое он выказал в своих войнах; но скоро убеждаешься, что он пал бы без поддержки счастия, много послужившаго его успехам. Фридрих II многое вверял случаю: это был игрок, по крайней мере, на столько же отважный, на сколько ловкий. Теперь возьмите в сравнение историю Екатерины: вы увидите, что она мало разсчитывала на такие успехи, которые ловятся на лету; что она выполнила дела, которыя дотоле Европа признавала невозможными, и что она, казалось, полагала гордость свою лишь в том, чтобы уверить свет, как легко для нее было совершение славных деяний.

Императрица не один еще раз говорила со мной о календаре. Это ни малейше не подвигало дела вперед. Я решился ей представиться еще однажды, располагая завести речь о другом предмете. И так, я отправился в Czarnokowo (Чернышево?). Увидев, что я иду, она подозвала меня зна̀ком.

— «Кстати», начала она, «я забыла вас спросить, осталось-ли у вас еще какое-нибудь возражение против предположенной мною меры?»

— Все по предмету календаря?

— «Да».

— Я доложу вашему величеству, что преобразова-

тель его сам признал маленькую неточность в своих вычислениях; но эта ошибка так мало заметна, что потребует исправления разве через восемь или десять тысяч лет.

— «Мои вычисления согласуются с вашими; но если последния правильны, то папа Григорий VII напрасно сознал свою ошибку, потому что законодатель не должен подозревать за собой ни безсилия, ни неуменья. Не смешно-ли думать, что если бы преобразователь календаря не исключил высокоса в конце столетия, то мир в течение 50-ти тысяч лет имел бы одним годом более, — тогда как в течение этого периода равноденствие прошло бы около 150 раз по всем дням года, а праздник Рождества приходился бы от 10-ти до 12-ти тысяч раз в самой средние летней поры! Преемник святаго Петра, как его называют, встретил в своей пастве сговорчивость и податливость, каких он не мог бы надеяться найти здесь, где существует приверженность к старым обычаям».

— Для меня несомненно, что воля вашего величества превозмогла бы все эти препятствия.

— «Желаю этому верить. Но какое огорчение было бы нанесено членам нашего духовенства, если бы я принудила исключить из календаря около сотни имен святых, памяти коих посвящены 11 последних дней! У вас, католиков римской церкви, полагается один святой на каждый день года, а у нас бывает по десяти или двенадцати в день. Кроме того, вы возьмите во внимание, что старейшия из государств крепко держатся за свои первобытныя учреждения. И народ имеет основание чтить эти учреждения, как благия и священныя, потому что оне были всегда неизменны. На этот счет я далека от того, чтобы порицать, например, обычай вашего отечества — начинать год с 1-го марта; для вашей страны в этом обычае является почетное доказательство ея древности. Только не происходит-ли из того какой-нибудь запутанности в счислении времени?»

— Никакой; посредством двух букв, которыя мы прилагаем к числам месяца в январе и феврале, всякое недоразумение устраняется.

— «Говорят также, что вы не разделяете 24 часа суток на две равныя половины?»

— Действительно, мы ведем счет суткам с начала ночи.

— «Странно! И если вы находите этот способ счисления удобным, то, по мне, он очень затруднителен».

— Ваше величество, дозволите мне считать наш обычай предпочтительным вашему: с ним мы не имеем надобности возвещать всякий раз о заходе солнца пушечным выстрелом.

— «В добрый час. За то для нас это неудобство возмещается выгодой знать наверно о наступлении полудня или полуночи, когда стрелка на наших часах указывает цифру 12».

После этой научной беседы, императрица разговаривала со мной о других обычаях Венеции и, между прочим, об азартных играх и лотерее.

— «Меня хотели склонить», сказала она, «к учреждению лотереи в моем государстве; я на это согласилась, но под условием, чтобы ставка была не ниже рубля. Моя цель была — поберечь деньги человека бедного, который, не зная всех тонкостей игры и соблазняясь ея заманчивостью, постоянно мечтал бы, что терно выиграть очень легко».

Таков был последний мой разговор с великой Екатериной, несравненною государыней, которую никогда я не забуду.

. . . .

...Однажды был я в петербургском французском театре. Сидя один в ложе, я порядочно скучал, как вдруг увидел в соседней ложе хорошенькую даму, также сидящую одиноко. Мы тут же познакомились. Дама говорила по-французски безукоризненно чисто и правильно (вещь, весьма редкая между русскими дамами), и когда я сказал ей об этом, то она объявила себя парижской артисткой, по имени Вальвилль.

— Я не имел еще удовольствия аплодировать вашей игре.

— «Неудивительно: я здесь уже с месяц, а играла всего один раз в «Folies amoureuses».

— Один только раз? Почему же?

— «Потому, что я не имела счастия понравиться императрице».

— Императрица весьма разборчива, при чем невсегда бывает справедлива. Вы, конечно, намерены ходатайствовать по поводу преждевременнаго суждения о вашей игре.

— «Низачто. Однако-ж, я ангажирована на год и потому мне будут платить по сту рублей в месяц; а по прошествии года, выдадут паспорт и деньги на обратный путь».

— Вот это обстоятельство значительно оправдывает

императрицу. Я полагаю, что, поступая с вами таким образом, она думает, что оказывает вам милость...

— «А между тем, выходит совсем иное. Невольное бездействие для меня более убыточно, чем выгодно: я отстаю от своего дела, не успев еще изучить его».

— Если ваша скромность не обманывает вас в этом случае, так необходимо обратиться с просьбой к государыне.

— «Но каким же образом я добьюсь аудиенции?»

— Способом исходатайствования.

— «Мне откажут».

— А нет-ли у вас кого из знакомых, кто мог бы посодействовать вам в этом?

— «Никого».

. . . .

(Казанова предложил актрисе ехать вместе с ним в Варшаву).

— «Как же вы», сказала Вальвилль, «выхлопочете мне дозволение выехать из Петербурга?»

— Я не предвижу в этом затруднений, и вот чем можно устранить их отвечал я, принимаясь за письмо.

— «К кому оно будет?» спросила артистка.

— К императрице.

И я написал следующее:

«Умоляю ваше величество соизволить принять на вид, что, пребывая здесь в бездействии, я могу забыть мое ремесло актрисы и тем легче, что я не закончила еще изучения его. Великодушие, коим я ныне пользуюсь от вашего величества, может, следовательно, сопровождаться для меня более вредом, нежели пользой. Посему я была бы преисполнена глубочайшею признательностью за милостивое разрешение на скорейший выезд мой отсюда».

— «И вы хотите, чтоб я подписала это?»

— Почему же бы вам не подписать?

— «Но, ведь, могут подумать, что я отказываюсь от путевых денег, да притом здесь нет ни полслова о паспорте».

— Пусть я прослыву за глупейшаго из смертных, если вы не получите, сверх суммы на дорожные расходы, ваше годовое жалованье не в зачет выданных вам денег.

— «Я не столь требовательна; это значило бы домогаться слишком многаго».

— Нет; сама императрица все поймет и сделает. О, я знаю ее!

— «Вы человек тонкий и в этом мне с вами не тягаться. Пусть будет по вашему: перепишу письмо».

...Прежде, чем Вальвилль разсказала мне историю своего прибытия сюда, я угадал, в чем дело. В Россию посоветовал ей ехать Клерваль (известный парижский артист). Имея поручение набрать комическую труппу для петербургскаго театра, он уверил молодую особу, что она рождена быть комическою актрисой и успеть непременно составить себе блестящую карьеру на берегах Невы. Приятным предсказаниям всегда верится легко, и вот она принимает вызов и вступает в ангажемент: решение, слишком смелое для молодой особы, которая от-роду не появлялась на сцене. Падение было более чем вероятно, и оно осуществилось на деле.

...Вальвилль выждала императрицу, когда она шла в часовню, и подала ей свою просьбу. Императрица прочитала бумагу на ходу, не останавливаясь, а потом сделала просительнице знак, чтобы она погодила. Через несколько минут просительнице возвратили бумагу с надписью на имя статс-секретаря Елагина. В этой надписи содержалось повеление — выдать актрисе годовое ея жалование, сто червонцев на проезд и паспорт. Все это она могла получить через две недели, потому что русская полиция выправляет иностранцам паспорты не прежде, как спустя пятиадцать дней после подачи о том просьбы.

...На другой день, по приезде в Варшаву, я отправился развозить рекомендательныя письма, которыми запасся в Петербурге, и начал с князя Адама Чарторижскаго. Я застал его в кабинете, в обществе человек сорока. Прочитав поданное мною письмо, он отозвался с похвалою о том лице, от кого я имел эту рекомендацию, и пригласил меня на ужин. Приняв приглашение, я покаместь поехал к польскому посланнику при французском дворе, графу Сулковскому (Sulkowski), человеку обширных познаний, дипломату-энтузиасту, голова котораго была набита проэктами в роде аббата де-Сен-Пьера. Он показал, что очень рад меня видеть и, имея, по его словам, многое мне сообщить, оставил меня обедать с ним вдвоем. Я провел четыре убийственных часа за его столом, где я играл роль не столько собеседника, сколько ученика, выдерживающаго экзамен. Граф Сулковский говорил со мною обо всем, исключая того, о чем я мог с ним говорить. Его сильная или, лучше скажу, слабая сторона была поли-

тика; он решительно подавил меня своим неоспоримым превосходством в этом предмете.

Потом я поспешил к князю Адаму, чтобы скорее забыть диковинныя порождения дипломатической премудрости. Там я нашел многочисленное общество: генералов, епископов, министров, виленскаго воеводу и, наконец, короля (Станислава Понятовскаго), которому князь меня представил. Его величество много разспрашивал меня об императрице Екатерине и знатнейших особах ея двора. Я был столько счастлив, что имел возможность сообщить ему подробиости, которыя, казалось, представляли для него живой интерес. За ужином я сидел по правую руку монарха и он не переставал обращаться ко мне. Из собеседников мы только двое ничего не ели.

Король польский был росту небольшаго, но хорошо сложен; его лицо было исполнено выразительности; он изъяснялся очень свободно и легко, речь его сверкала остроумием и любезностью... В обществе он всегда был в хорошем расположении духа... Он выказывал себя большим знатоком классической литературы и действительно имел в ней сведения, более обширныя, чем кто-либо другой в его положении. Однажды, когда он заговорил о многих римских поэтах и прозаиках, я вытаращил глаза от удивления, слыша, как он сыплет цитатами из многих рукописных схоластических сочинений, манускриптов, неизвестных публике, а если и существовавших, то лишь по соизволению его величества (qui peut être néxistaient que par le plaisir de Sa Majesté)... Когда речь коснулась произведений Горация, я сказал, что, льстя Августу, он заставил этого государя обезсмертить себя покровительством писателям, почему и самое имя Августа так популярно между венценосцами, что они присвоивают его себе, отказываясь от собственнаго.

Король польский (принявший имя Августа при своем восшествии на престол) сделался весьма серьезен при высказанном мною замечании и потом спросил меня: кто же были эти венценосцы, пожертвовавшие собственным именем имени Августа?

— Первый из них, отвечал я, был король шведский, называвшийся Густавом.

— «Какое же соотношение видно между Густавом и Августом?»

— Одно из этих имен есть анаграмма другаго.

— «А где нашли вы такое указание?»

— В одном манускрипте, в Вольфенбюттеле.

Тут король расхохотался, вспомнив, что он сам делал ссылки на рукописные источники. Он спросил меня, не знаю-ли я какого-нибудь изречения из Горация, в котором сатира была бы прикрыта тонкой и деликатной оболочкой, и я отвечал: «Coram rege sua de paupertate tacentes plus quam poscentes ferent».

— «Правда», молвил король с улыбкой, и m-me Шмидт (хозяйка дома) просила епископа Красинскаго объяснить ей это место. Тот перевел так: «Умалчивающий о своей бедности перед царем получает более, нежели просящий».

Добрая женщина заметила, что тут она не видит ничего сатирическаго. Я же не проронил ни слова, боясь, что сказал слишком много. Король переменил предмет беседы и заговорил об Apiocte...

Спустя несколько дней, я встретился с его величеством, и он, подавая целовать свою руку, вложил неприметно в мою — маленький сверток, пособивший мне расплатиться с моими долгами: в свертке было двести червонцев.

С того времени я не пропускал ни разу бывать при утреннем приеме короля (au lever du roi), когда ему убирали волоса, при чем мы разговаривали о всевозможных, кажется, предметах... По-итальянски он понимал хорошо, но говорить не мог.

Всякий раз, когда я вспоминаю этого прекраснаго государя и его качества, столь достойныя уважения, не могу постигнуть, как мог он впасть в такия важныя ошибки, из которых наименьшая заключается не в том, что он пережил свое отечество...

Сдано в набор 13.05.91. Подп. в печать 18.10.91. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 1,68. Усл. кр.-отт. 2,1. Уч.-изд. л. 1,533. Изд. № 062600432. Тираж 200 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 2288. Москва, 123557, Б. Тишинский пер., д. 38. Типография издательства «Калининградская правда», 236000, г. Калининград (обл.), ул. Карла Маркса, 18.

1 руб.

Популярная библиотечка «Коробейник»